

Варлам Шаламов жив!

В лагерной теме не может быть истерики и конъюнктуры
независимая 2004 - 5 апр. - с. 4 - (НГ) Экспресс 17.04.04
Сергей Вдовин

Варлам Шаламов. Новая книга. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. Сост. И.П. Сиротинская. - М.: ЭКСМО, 2004, 1072 с.

На фоне обжигающей правды «Кольмских рассказов» Шаламова даже «Один день Ивана Денисовича», бесспорный шедевр Солженицына эпохи позднего реабилитанса, выглядит вещью вполне соцреалистической выделки. Собственно, этот первый камешек в огород «Софьи Власевны» соцреализмом и является. «Архипелаг ГУЛАГ»? Но это другое. Менее литература, более политика.

Шаламов же никогда не рядился в одежды пророка и оракула, не пытался вещать *urbi et orbi*. Он подчеркнуто беспасфосен, а пото-

«Смерть – это тихая жизнь на другом берегу...»

Юрий Коваль. Положение во гроб. Эмаль

дтитивная, где каждая строчка обеспечена талантом много страдавшей одинокой души. Не «эстрадная», не «стадионная», не «ту-

только в 2000-м. Юный Шаламов, ему не было и двадцати двух, впервые осужден как «троцкист» и участник антисталинской де-

кровенно политических целях. К слову, собственные, аналогичного свойства, демарши в прессе Александр Исаевич считал делом вполне допустимым и нормальным. Что дозволено Юпитеру? Письмо Шаламова Солженицыну по этому поводу читатель найдет в книге... «После бесед многочисленных с Солженицыным чувствую себя обокраденным, а не обогащенным». И еще: «Ни одна сука из «прогрессивного человечества» к моему архиву не должна подходить. Запрещаю писателю Солженицыну и всем, имеющим с ним одни мысли, знакомиться с моим архивом» (записные книжки, 1978–1979). Отнюдь не самые жесткие высказывания Варлама Шаламова о своем антипode в мире литературы. Есть и похлеще.

Но главное, что за три года до 100-летия одного из праведников и мучеников русской литературы XX века совершенно ясно, что Варлам Шаламов жив. «Новая книга» – весомое тому подтверждение. Увлекательным чтение этой книги не будет. Серьезное чтение. Трудное чтение. Необходимое чтение.

«Смерть – это тихая жизнь на другом берегу, надо доплыть, дышать...» (записные книжки, 1961).

«Ни одна сука из «прогрессивного человечества» к моему архиву не должна подходить», – предупреждал Шаламов

му более убедителен: «Мои рассказы – это, в сущности, советы человеку, как держать себя в толпе», ибо «страшная вещь – толпа» (записные книжки, 1968). А в 1970-м Варлам Тихонович пишет: «Одно из резких расхождений между мной и Солженицыным в принципиальном. В лагерной теме не может быть истерики...»

Стихи Шаламова – меньше на слуху, чем его же проза. При жизни издано пять поэтических книжек. Книг-инвалидов, изуродованных цензурой и редакционными перестраховщиками. «По поводу своих стихов я никогда не получал ни одного письма от ценителей и любителей – настолько это ничтожный малоценный товар» (1973). А ведь – подлинная поэзия, поэзия самобытная, ме-

совочная. Настоящая. Она ждет своего читателя. Благо, что ныне можно читать стихи поэта такими, какими он их написал.

Нынче вышла «Новая книга» В.Т. Шаламова, составленная И.П. Сиротинской, его другом и душеприказчицей. В ней нет ни рассказов, ни стихов «горького человека». Объемный том впервые столь полно представляет воспоминания, записные книжки, эпистолярное наследие выдающегося русского писателя... За 20 лет ГУЛАГа он прошел такую «географию», что ужасы «Ивана Денисовича» для него – «легкий лагерь». В книгу включены и материалы трех следственных дел Шаламова 1929, 1937, 1943 годов. Кстати, как ни дико, по делу 29-го года он был реабилитирован

монстрации к 10-летию Октября... В книге представлен, по определению составительницы, и «новый литературный жанр» – донесения осведомителей. Позволим не согласиться, жанр-то, увы, стар как мир. Да и насколько он литературный (даже памятью о таких небанальных осведомителях, как Николай Греч и Фаддей Булгарин)?..

Может показаться, что многовато Солженицына в нашей заметке о книге Шаламова. Тому есть объяснение. «Варлам Шаламов умер», – картинно бросил автор «Архипелага» в 1972 году. Это случилось после протеста В.Шаламова, вынужденного (надо помнить реалии тех лет), против разрозненных публикаций его рассказов на Западе, да еще в от-